

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович – доктор политических наук, доцент кафедры общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; SRastorguev@fa.ru)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ГИБРИДНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ, ГОСУДАРСТВУ И ЭЛИТЕ

Аннотация. В статье анализируются гибридные возможности и угрозы современной России. Гибридизация политики и экономики рассматривается как закономерный процесс в условиях информатизации и глобализации. На российских примерах исследуются возможности и угрозы «гибридной войны», «мягкой силы», анализируются изменения конъюнктуры мировых цен на нефть.

Ключевые слова: «гибридная война», гибридные угрозы, гибридные возможности, «мягкая сила»

Целью данной статьи является исследование основных внешнеполитических гибридных возможностей российского общества и государства, а также гибридных угроз, которые управляются современной политической элитой. В политологическом дискурсе последних лет актуален концепт «гибридной войны» как конфликта акторов, использующих соотношение невоенных и военных методов в пропорции В. Парето – 80 : 20. Объем понятия «гибридная война» включает в себя следующие множества: боевые действия регулярных войск (с учетом последних военно-технических разработок); боевые действия «независимых акторов» (повстанцы, террористы); экономическое давление (отраслевые санкции, эмбарго, подрыв финансовой системы, транспортные барьеры); политическое давление (мобилизация оппозиции на протестные действия, дипломатическая изоляция, прессинг в международных организациях); социальное давление (активация внутренних групповых конфликтов, дезорганизация системы социального обеспечения); информационное давление СМИ (формирование образа врага, манипулирование историческим прошлым, размывание ценностного ядра мировоззрения). Можно предположить, что в отношении крупной ядерной державы, каковой является Россия, ведение широкомасштабной войны в современных условиях представляется маловероятным. На смену широкомасштабным войнам и потенциальной угрозе ядерного удара приходит «гибридная война».

Для целей исследования автор использует более широкий концепт «гибридные угрозы / гибридные возможности», которые наряду с собственно «гибридными войнами» охватывают явления, характеризующиеся такими терминами, как «цветные революции», «мягкая сила», «сепаратизм», «сырьевая зависимость». Гибридные угрозы рассматриваются как вероятность дисфункции различных систем общества и государства под влиянием внешнего воздействия невоенными средствами. Дисфункция является следствием целенаправленных действий зарубежных государственных и негосударственных акторов с целью изменения поведения российских государственных и негосударственных акторов в соответствии с интересами первых. Гибридные возможности – это гибридные угрозы государственных и негосударственных акторов, обращенные вовне с целью изменить поведение зарубежных государственных и негосударственных акторов в соответствии с интересами России.

Если применить плодотворный научный метод аналогии, то можно уподобить «гибридную войну» искусственному вирусу, созданному для целенаправленного

внедрения в клетки (институты атакуемого государства) и их подрыва. Гибридные угрозы / гибридные возможности включают в себя анализ реакций организма (государственные и общественные институты) на попадание как искусственных, так и естественных вирусов посредством выработки иммунитета (когда институты справляются сами), вакцинации (когда государство активно защищает институты политическими средствами), карантина (когда вирусоносители изолируются от институтов). Следует отметить, что «искусственные вирусы» могут вызвать нежелательные для их создателей последствия. Например, радикальные движения Талибан, Аль-Каида, ИГИЛ (организация, запрещенная в РФ) вышли из-под контроля творцов и даже вступили с ними в противоборство. Не дожидаясь вторжения «искусственных вирусов» противника, государство может занять проактивную позицию и использовать свои гибридные возможности во внешнеполитической деятельности для достижения необходимых результатов. Сам процесс гибридизации можно рассматривать как естественную эволюцию всех сфер жизни, приводящую к появлению новых видов. Гибридизация вполне вписывается в процессы глобализации, информатизации, интеграции, а термин «глокализация» сам представляется лингвистическим гибридом.

Устойчивость социальных и государственных институтов России к гибридным угрозам, способность использовать гибридные возможности во многом зависит от количества, глубины, обостренности социальных, экономических, политических, культурных расколов российского общества (аналог иммунной системы). В любом обществе присутствует дифференциация и стратификация групп, неравномерное распределение ресурсов, однако каждое общество по-своему адаптируется к существующим условиям. Гибридные угрозы имеют наибольшую вероятность реализоваться в обществе с обостренными расколами. Своеобразие расколов российского общества обусловлено как естественными факторами (полиэтничность, поликонфессиональность, большой размер территории, неравномерность обеспеченности природными ресурсами), так и производными факторами (большая дифференциация денежных доходов населения, различия в региональной политической культуре и др.).

Автор анализирует гибридные угрозы / гибридные возможности для 3 коллективных субъектов, различающихся не только количественно, но качественно, — это российское общество, российское государство, российская политическая элита. Под российским обществом понимается совокупность всех жителей страны, которых объединяет цивилизационная матрица политических, экономических, социальных, культурных коммуникаций. Российское государство включает представителей институтов законодательной, исполнительной, судебной власти всех уровней. Политическая элита понимается как небольшая группа лиц, принимающая ключевые политические решения федерального масштаба. Коллективные субъекты, будучи сложносоставным явлением, в котором переплетены сотрудничество и соперничество, имеют определенную общность интересов, затрагиваемых гибридными возможностями и гибридными угрозами.

Актуальность проблематики гибридных угроз, и в частности «гибридных войн», обусловлена взаимными претензиями политиков, военных и ученых разных стран, которые рассматривают свои общества и государства как объекты воздействия со стороны оппонентов [Герасимов 2013; Карякин 2015: 237; Магда 2015: 4]. При этом, как правило, ответные или превентивные действия своей страны не анализируются в контексте «гибридной войны» и гибридной внешнеполитической возможности. Автор статьи рассматривает гибридные угрозы, возможности и войны как неотъемлемый элемент деятельности современных политических акторов всех стран. Такой подход, во-первых, позволяет избежать двойных стандартов, когда однопорядковые акции двух стран клас-

сифицируются как диаметрально противоположности, во-вторых, легализует гибридные угрозы, возможности и войны любой страны как объекты научного исследования.

Многоплановость гибридных концептов ведет к дискуссии о времени появления феномена в реальности. Безусловно, многие проявления гибридных угроз и войн можно найти в древней и новой истории: использование наемников, диверсии, партизанское движение, мятежи «пятой колонны», экономическая блокада, перекрытие транспортных коммуникаций, пропаганда и создание образа врага. Однако представляется разумным констатировать появление нового феномена именно в последние 20–25 лет, что связано с качественным развитием информационных технологий, переходом от массовых армий к профессиональным, интернационализацией экономических и социальных процессов. Осмысление нового феномена осуществляется военными экспертами (Ф. Хоффман, Ф. ван Каппен, М.С. Бонд, В.В. Герасимов), политологами и историками (Р.У. Гленн, М. ван Кревелд, Дж.С. Най, П.А. Цыганков, А.В. Соловьев, А.В. Манойло, Г.Ю. Филимонов, О.Г. Карпович, С.С. Сулакшин и др.), философами (Ж. Бодрийяр, Н. Хомский и др.). Именно в нулевых годах в политологическом дискурсе прочно утвердились концепты «гибридная война», «мягкая сила», «цветная революция», «социальная сеть».

Автор акцентирует внимание на потенциале использованного Ж. Бодрийяром термина «апотропия», который трактуется как «сдерживание путем разубеждения и (или) устрашения, причем угроза зачастую симулятивна» [Бодрийяр 2016: 205–206]. Данный концепт, несмотря на свое древнегреческое происхождение, подчеркивает одну из важнейших характеристик гибридных угроз – дистанционную власть над информационным пространством посредством электронных СМИ, социальных сетей. Масштабная информатизация всех сфер жизни общества и государства, массовое распространение гаджетов у населения, особенно у молодежи, которая является ядром протестного потенциала и кадровым поставщиком для армии, способствуют появлению нового театра военных действий в пространстве Интернет. Если элиты придут к негласному консенсусу о неприемлении ядерного оружия, то апотропия станет одним из главных орудий новой дипломатии государственных и негосударственных акторов.

Распространение гибридных форм воздействия не отменяет использование классических силовых методов. Интересно отметить, что составители *Global Peace Index 2015* поставили Россию на 152-е место по интегрированному критерию «внутренние и внешние конфликты / социальная безопасность / милитаризация», однозначно позиционируя Россию как самую милитаристскую и небезопасную страну БРИКС (Бразилия – 103-е место, Китай – 124-е, ЮАР – 136-е, Индия – 143-е)¹. США занимают 94-ю строчку рейтинга, хотя ведут боевые операции в разных странах мира, расходуют на внутреннюю и внешнюю безопасность 12% ВВП (наравне с Израилем и Венесуэлой), имеют самый большой военный бюджет (больше всех стран БРИКС вместе взятых), являются крупнейшим экспортером оружия, в стране совершается много насильственных действий с применением оружия, они располагают одним из крупнейших ядерных арсеналов. Обращает на себя внимание тот факт, что все страны СНГ признаны более миролюбивыми, чем Россия, хотя некоторые из них имеют неразрешенные территориальные споры на грани войны (Украина, Армения, Азербайджан), непризнанные государства внутри официально провозглашенных границ (Молдова, Грузия), острые внутриполитические проблемы и небезопасных воюющих соседей (Таджикистан).

¹ Global Peace Index 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/Global-Peace-Index-Report-2015_0.pdf (accessed 17.07.2016).

Возможности и угрозы «гибридной войны». Как было определено ранее, «гибридная война» представляет собой современную форму конфликта, в которой соотношение военных и невоенных методов распределено по принципу В. Парето. Российские возможности связаны с проведением «гибридных войн» против недружественных политических режимов других стран для достижения внешнеполитических и внутривнутриполитических целей. В частности, «гибридная война» может способствовать смене антироссийского политического режима на лояльный России политический режим как в странах СНГ, так и странах Азии. Теоретически «гибридная война» возможна в любой точке земного шара, однако необходимо учитывать имеющиеся ресурсные ограничения, членство государств в военно-политических блоках (НАТО), приоритетность выбранных направлений с точки зрения защиты интересов российского общества. Причем не обязательно прибегать к реализации 20% боевой составляющей конфликта, в идеале она должна стремиться к нулю за счет эффективного использования небоевых методов воздействия. Именно в этом заключается сущность концепта «апотропия». Сама по себе угроза задействовать 20% боевых методов в совокупности с 80% небоевых методов воздействия может оказаться достаточной для защиты национальных интересов России. Отказ от применения боевых средств может использоваться как разменная монета в переговорах с ресурсными акторами (НАТО, США, Евросоюз).

«Гибридная война» имеет своих лоббистов – тех, кто извлекает непосредственную выгоду от процесса самой войны или рассчитывает получить выгоду после ее завершения. С 80-х гг. XX в. исследователи отмечают тенденцию активного участия во внешней политике, наряду с государствами, негосударственных акторов (ТНК, религиозные, экономические сетевые структуры, частные военные компании и др.). Государственные и негосударственные лоббисты рассматривают «гибридные войны» как проекты, приносящие отдачу на вложенные ресурсы в расчете на получение выгоды в различной форме. Политической элите, ответственной за принятие стратегических решений, следует соразмерять издержки и выгоды «гибридных войн», руководствуясь не частным, а общим интересом.

Угроза от проведения «гибридных войн» заключается, прежде всего, в возможной изоляции России в рамках мировых политических и экономических институтов, введении экономических санкций, сокращении сотрудничества во многих сферах жизни. Зависимость бюджета, инвестиций, технологического роста России от мировой экономики по сравнению с США и ЕС намного сильнее, поэтому следует использовать боевые методы только в случае непосредственной угрозы национальной безопасности. Для страхования подобных рисков необходимо создавать лояльные и взаимовыгодные интеграционные объединения (ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС). Одновременно есть основания предполагать, что военный потенциал России, прежде всего обладание стратегическим наступательным вооружением и ядерным оружием, гарантируют невозможность применения к России балканских и ближневосточных сценариев.

«Гибридная война» / угроза «гибридной войны» способствуют мобилизации общества, государства вокруг политической элиты и укрепляют легитимность власти. В повестку дня вносятся интегрирующие ценности, что позволяет уменьшить напряжение, вызванное расколами общества. Артикулируется и подтверждается национальная идея (образец, идеал, мечта). Достаточно ярко подобного рода мобилизация прослеживается в странах Запада, которые интегрируются вокруг либеральных ценностей. Ценности других цивилизаций позиционируются СМИ как консервативные, традиционные, авторитарные, тоталитарные, а давление на общества, государства и элиты незападных стран представляется в виде прогрессивного и объективного процесса в духе концепции Ф. Фукуямы о

«конце истории». Как отмечал Ж. Бодрийяр, «для глобального всемогущества, не менее фундаменталистского, чем религиозная ортодоксия, все отличные от него сингулярные формы являются ересями. Поэтому они обречены либо на добровольное или принудительное возвращение в лоно глобального порядка, либо на исчезновение» [Бодрийяр 2016: 161].

Вместе с тем мобилизация общественного сознания тесно связана с такими понятиями, как пропаганда и манипуляция. История свидетельствует, что злоупотребление пропагандой, которая возможна и в условиях массовой информатизации, ведет к формированию стратегически бесперспективной иллюзорной реальности. Таким образом, гибридные угрозы создают образ врага/конкурента, который, с одной стороны, полезен для мобилизации и интеграции общества, с другой – при переходе определенной меры приводит к неадекватному восприятию реальности и трансляции этого искаженного восприятия на общество.

Россия имеет возможность разместить на территории страны политических эмигрантов из других стран (оппозиционных политиков, религиозных и культурных деятелей, утративших власть правителей, военнослужащих, полицейских, чиновников, а также членов их семей). Перечисленные группы лиц могут получать материальную, кадровую, информационную, символическую поддержку России и оказывать давление на политические режимы нелояльных России стран, фактически выполняя 80% небоевых объемов «гибридной войны». При определенных обстоятельствах они могут принять участие и в 20% боевого объема операций. Сама потенциальная угроза реализации 20% боевых задач силами политических эмигрантов может служить сильным сдерживающим фактором для политических элит зарубежных государств, проводящих активную антироссийскую политику. Подобную политику проводят, например, США в отношении Кубы, включая прямую поддержку военного вторжения в 1961 г.

Угроза «гибридной войны» против России наиболее вероятна в контексте помощи в организации и внешней поддержки сепаратистских движений, прежде всего на Северном Кавказе. Сепаратизм можно анализировать в концептах «раскола», «этнического предпринимательства», «поиска идентичности», «дискриминации в распределении ресурсов». Манипулирование историей и идентичностью народов России, деструктивная работа этнических диаспор за рубежом, углубление социально-экономических проблем, распространение радикального ислама и мирового терроризма являются предпосылками для развития сепаратизма и формирования этнократических режимов. Можно указать, что формированию сепаратистских движений способствуют либо раскол политической элиты страны, либо формирование этнической контрэлиты при бессилии официальной элиты. В крайней форме сепаратизм может победить только при наличии сильных внешних акторов. Лучшей гарантией от сепаратизма является формирование российской идентичности, справедливое распределение ресурсов между регионами и социальными группами, интеграция в политическую и экономическую элиту представителей всех этносов России, реализация федерализма не только как принципа административно-территориального устройства, но и как механизма реализации различных политик (экономической, образовательной, культурной).

Автор предлагает использовать апотропические возможности «гибридной войны» для противостояния американской технологии «цветной революции». Технология «цветной революции» по методике ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа, применяемая в условиях широкой информатизации и направленная на устранение неудобных США политических режимов, представляется весьма опасным оружием стран западной демократии. Россия не может заимствовать данную технологию в чистом виде, поскольку она построена на ценно-

стях либерализма, естественных прав человека, западного варианта демократии, активности некоммерческих организаций гражданского общества, использовании американских социальных сетей (*Facebook, Twitter*). Перечисленные выше ценности и технологии не являются сильными сторонами России. Поэтому в качестве ответа на проводимую Западом политику «цветных революций» в странах СНГ и Ближнего Востока (которые зачастую перерастают в кровопролитные гражданские войны), Россия вполне способна противопоставить жесткую силу (Сирия), «гибридную войну» / угрозу «гибридной войны». А элементы «цветных революций» могут использоваться в форме продвижения практик ненасильственного протеста пророссийских легально-оппозиционных сил в странах Запада. Особого внимания заслуживает поддержка таких групп методов ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа, как социальное вмешательство, обычные промышленные забастовки, ограниченные забастовки, отказ от участия в общественных событиях, обычаях и работе, общественные собрания, процессы, символические общественные акции, групповые акции, общение с широкой аудиторией, официальные заявления.

Возможности и угрозы «мягкой силы». В 2016 г. международная консалтинговая компания *Portland* впервые включила Россию в рейтинг стран топ-30 «мягкой силы», присвоив нашей стране 27-ю строчку. Для сравнения: страны БРИКС, попавшие в рейтинг, заняли, соответственно: Бразилия – 24-е, Китай – 28-е место¹. Абсолютными лидерами по критерию «мягкой силы» объявлены США, Великобритания, Германия.

Проанализируем возможности и угрозы России по нескольким блокам критериев рейтинга «мягкой силы». Блок «*Культура*» рассчитывается по объему туристических обменов, фильмов на кинофестивалях, распространенности в мире языка страны, посещаемости музеев из топ-100, размеру музыкального рынка, числу олимпийских медалей, рейтингу национальной сборной по футболу. У России отрицательное сальдо по международному туризму, хотя позитивные туристические впечатления о стране формируют комплиментарную установку для поведения. Поэтому целесообразно развивать туристическую инфраструктуру России, не рассматривая только лишь показатели финансовой прибыли. Весомым компонентом «мягкой силы» является язык, который позволяет осваивать культуру страны и общаться с ее гражданами. Возможности русского языка (8-й по распространенности в мире) связаны с созданием качественных культурных и научных произведений, которые будут интересны мировому сообществу, интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Угрозы исходят от целенаправленной политики ряда стран бывшего СССР по ограничению использования русского языка, а также от снижения количества и качества отечественной культурной продукции. Кинематографические и музыкальные произведения также могут войти в политическое поле, что проявляется в поощрении или ограничении инициатив деятелей культуры и проводимых ими мероприятий (фестивали, показы, концерты). Спорт еще во времена «холодной войны» являлся элементом «мягкой силы». Допинговые скандалы с российскими спортсменами, борьба за право проведения олимпиад и чемпионатов мира, внимание к выступлению отечественных спортсменов и сборных команд со стороны политической элиты свидетельствуют о политизации спорта. Успехи российских спортсменов поддерживают положительный имидж страны, а угрозой является не столько неуспешное выступление на соревнованиях, сколько формирование в информационном пространстве представлений о коррупции, государственной

¹ The Soft Power 30. A global ranking of soft power 2016. URL: <http://www.portland-communications.com/the-soft-power-30/> (accessed 17.07.2016).

допинговой системе, которые влекут за собой санкции со стороны мировых спортивных организаций и создают негативный образ России.

Блок «Образование». По данным Госкомстата в 2015 г. в России обучались около 242 тыс. иностранных студентов (8-е место в мире), из них на страны СНГ приходится 70% иностранных студентов¹. Подготовка кадров для соседних стран дает возможность России оказывать влияние на формирование политической, экономической, научной, культурной элиты этих государств. Угроза заключается в возможном перетоке иностранных студентов в вузы других стран. Для противодействия этому процессу следует увеличивать число бюджетных мест для иностранцев, развивать в университетах передовые научные школы (в т.ч. стремиться войти в топ-200 вузов мира), привлекать в образование частные инвестиции, поскольку государство по объективным причинам в 2015–2016 гг. сократило расходы на образование [Бюллетень о состоянии... 2015: 5].

По блоку «Вовлеченность» Россия вошла в десятку лидеров стран с «мягкой силой». Данный блок основан на расчете помощи другим странам, числе дипломатических миссий страны за границей и заграничных миссий в стране, членстве в международных организациях, числе подписанных договоров об охране экологии, предоставленных убежищ мигрантам, числе стран, с которыми существует безвизовый режим. Данный блок больше связан с официальной дипломатической активностью и подтверждает влияние российской дипломатической школы.

Блок «Цифровые технологии». Возможности данного блока связаны с расширением влияния на русскоязычную аудиторию Интернета за границей за счет коммуникаций в социальных сетях. Угрозы данного блока обусловлены вероятностью формирования сетевых структур, которые могут вступить в борьбу с правительством, пользуясь поддержкой извне. Также примечательно, что в расчет рейтинга берется только одна американская социальная сеть *Facebook* (включая *Instagram*). Один из критериев рейтинга включает число пользователей *Facebook* из числа сотрудников МИДа. С одной стороны, это может содействовать публичности государственного управления, с другой – нетрудно предсказать появление технологий манипуляции посредством активности крупного чиновника в социальной сети.

Блок «Предпринимательство» включает показатели, характеризующие внутреннюю среду бизнеса в стране, конкурентоспособность на современных рынках и привлекательность для иностранного капитала. Введенные против России экономические санкции негативно влияют на прямые иностранные инвестиции, мешают развитию высокотехнологичного военно-промышленного экспорта. Что касается развития малого и среднего бизнеса, то следует отметить традиционно высокую долю крупных предприятий в структуре экономики РФ. Причем весомую роль здесь играют государственные компании. Авторские расчеты показывают, что из 100 крупнейших компаний России по выручке насчитывается 21 государственная компания, но по объему выручки 79 частных компаний имеют незначительное преимущество: 21,4 трлн руб. против 19,1 трлн руб.² При этом ряд крупных частных компаний вполне можно рассматривать как околосударственные. Возможности России связаны с созданием стабильной экономической системы, которая способна мотивировать отечественных и иностранных бизнесменов вкладывать средства в предпринимательские проекты. Приток прямых

¹ *Россия в цифрах. 2016.* Краткий статистический сборник. М.: Росстат. С. 136-137. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm (проверено 17.07.2016).

² Рейтинг крупнейших компаний России 2015 г. по объему реализации продукции. Доступ: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2015-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (проверено 17.07.2016).

иностранных инвестиций, в отличие от спекулятивных вложений в финансовые активы, привязывает интересы зарубежных инвесторов к России и минимизирует желание вести против нашей страны «гибридную войну».

Блок «Управление». По индексу человеческого развития Россия стабильно занимает место в 6-м десятке стран по причине низкой продолжительности жизни мужского населения, а в период кризиса – из-за падения ВВП на душу населения. Возможности/угрозы России подняться/опуститься в данном индексе связаны с улучшением/ухудшением социально-экономической ситуации. По коэффициенту Джини Россия имеет лучшие показатели по сравнению с большинством стран БРИКС: Индия – 0,336; РФ – 0,416; Китай – 0,469; Бразилия – 0,497; ЮАР – 0,650¹. Сокращение социального неравенства посредством создания социального государства (один из шагов к этому – выполнение майских указов президента 2012 г.) является способом стабилизации политической системы, а увеличение неравенства несет угрозу социальных протестов. Как свидетельствует опыт истории, социальные протесты используют в своих целях наиболее ресурсные группы. По различным усредненным оценкам отечественных и зарубежных исследователей, доля теневой экономики России составляет около 35–40% – больше чем в Китае, Индии, примерно на уровне Бразилии. Автор разделяет мнение исследователей, которые наряду с угрозами теневой экономики (недополучение налогов в бюджет, производство некачественной продукции, финансирование коррупции, силовое предпринимательство) рассматривают возможности теневой экономики (смягчение эффекта падения доходов в кризис, проявление предпринимательской инициативы без регламентации государства, производство необходимых товаров и услуг).

Возможности и угрозы изменения конъюнктуры мирового рынка энергоносителей. В экономике любой страны есть одна-две приоритетные отрасли, которые вносят наибольший вклад в ВВП, платят основную долю налогов в бюджет, создают значительное число рабочих мест, привлекают большие инвестиции, используют новейшие технологии. Такие отрасли описывал экономист Ф. Перру в модели «полусов роста». В России к таким полюсам роста относятся нефтегазовый сектор: из 10 крупнейших компаний страны 5 относятся к этому сектору (Газпром, НК «ЛУКОЙЛ», НК «Роснефть», Сургутнефтегаз, АК «Транснефть»). Экспорт минеральных продуктов, прежде всего нефти, дизельного топлива, газа, составил в 2015 г. 64% экспортной выручки, а в период 2006–2015 гг. средний нефтегазовый доход федерального бюджета составлял 46,2%². Таким образом, нефтегазовый сектор можно рассматривать как бюджетообразующий, доходы от экспорта углеводородов позволяют осуществлять социальные программы, инвестиционные проекты, финансировать ВПК, науку, государственное управление, национальную безопасность, предоставлять трансферты дотационным регионам. Российское общество, государство и политическая элита являются коллективными выгодоприобретателями доходов сырьевой ренты. Как страна – экспортер углеводородов Россия заинтересована в высокой конъюнктуре мировых цен на энергоносители.

Каким образом формируется мировая цена на нефть, кто ее определяет, возможны ли манипуляция и политически ангажированные картели на рынке углеводородов? Автор статьи согласен с экономистами, которые выделяют 2 группы факторов ценообразования сырьевых товаров в современных условиях. К пер-

¹ БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. М.: ИИЦ «Статистика России». 2015. С. 64–81. Доступ: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRICS_RUS.pdf (проверено 17.07.2016).

² Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. М.: Росстат. С. 495. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm (проверено 17.07.2016).

вой группе относятся фундаментальные факторы — спрос, запасы, технологии, экономические циклы, геополитические риски. Ко 2-й группе относятся финансовые факторы — инфляция, валютные курсы (особенно курс американского доллара), спрос и предложение на финансовых рынках. Цены на нефть формируются на биржах деривативов (Нью-Йорк, Лондон, Чикаго) без реальной поставки товаров: нефть стала финансовым активом, и ее цена оторвалась от реального спроса и предложения. В 2011 г. открытые позиции на нефтяные фьючерсы в 12 раз превышали объемы добычи нефти. «Инвестиции в товары (деривативы с товарами в качестве базисных активов) — в качестве финансовых — начинают зависеть от курса валют, уровня процентной ставки, спекулятивной конъюнктуры»¹. Глобальные инвесторы в поисках прибыли переводят значительные суммы денег между нефтяными фьючерсами, золотом, государственными ценными бумагами, различными валютами, акциями ТНК. Экономисты отмечают, что крупные глобальные инвесторы больше ориентируются на финансовые факторы, а на фундаментальные обращают внимание, когда последние достигают экстремальных значений. Выявлена обратная пропорциональность курса американского доллара и цены на нефть применительно к последним 30–40 годам: чем дороже доллар, тем дешевле нефть и наоборот².

Следует отметить, что финансовые факторы являются рукотворными. Введение плавающего валютного курса, отказ от государственного регулирования цен, предложение долларов и определение учетной ставки Федеральной резервной системой, развитие рынка деривативов вследствие политики дерегулирования рынков — все это продуманные действия политических и финансовых властей США. Россия не может повлиять на финансовые факторы, поэтому возникает угроза резкого падения нефтяных цен, обусловленная как спекулятивным переходом глобальных инвесторов (в основном англосаксонских) в другие активы, так и целенаправленным сговором крупных игроков. Кстати, монополистический сговор на рынке нефти (вначале англо-американский, затем арабский) фактически определял ее цену с 1945 до середины 1980-х гг., поэтому концепт картелизации на уровне ТНК и государств исторически обоснован. Гипотетически политически ангажированные глобальные игроки и ряд стран — экспортеров нефти могут снизить мировую цену на нефть для оказания давления на российскую политическую элиту, которая выполняет «социальный контракт» с российским обществом посредством перераспределения рентных доходов. Данное предположение не связано с теорией заговора, западноевропейские и восточноевропейские политики и исследователи в середине нулевых годов публично характеризовали деятельность ОАО «Газпром» как угрозу национальной безопасности со стороны энергетической сверхдержавы.

Возможности России заключаются во влиянии на фундаментальные факторы: наряду с Саудовской Аравией и США наша страна является крупнейшим производителем нефти. Создание гипотетического картеля для ограничения объемов добычи нефти в составе России, Венесуэлы, Бразилии, Ирана, Ирака, КНР, Анголы, Казахстана, Азербайджана поставит около 37% мировой добычи под влияние картеля. Это даст возможность договориться о регулировании объемов добычи нефти. Фундаментальным фактором являются геополитические риски, которые включают классические войны, «гибридные войны», санкции, перебои в транспортировке, аварии на нефтедобывающих предприятиях и транспортных системах. Россия может использовать гибридное воздействие на страны Персидского залива (на них приходится более четверти мировой добычи нефти),

¹ 1971–2025: курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций. ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (под ред. Я.М. Миркина). М.: Магистр. 2015. С. 148–150.

² Там же.

которые даже более далеки от «либеральных» идеалов «цветных революций», чем страны Северной Африки и Ближнего Востока, подвергшиеся воздействию стратегии «управляемого хаоса». По расчетам автора, принимая максимальные издержки добычи нефти вне США в 30 долл. за баррель, «справедливой» (рыночной) ценой при стабильном спросе и стабильной добыче можно признать цену в диапазоне 50–70 долларов. Такая цена не налагает на страны-импортеры бремя спекулятивной переплаты, а страны-экспортеры получают достаточную (не спекулятивную) прибыль. Конечно, конъюнктура мирового рынка изменчива и многофакторна, но именно превращение товара в финансовый актив приводит к аномальному колебанию цены на нефть от 110 до 30 долл. при практически неизменных фундаментальных факторах. Картель стран-экспортеров мог бы рыночными средствами (квотирование добычи) скорректировать «невидимую руку рынка» (глобальные инвесторы).

В заключение можно провести еще одну аналогию. Современный мир, находящийся в процессе глокализации/гибридизации, напоминает производный финансовый инструмент в форме расчетного фьючерса. Продавец и покупатель получают выгоду без реального обмена товара на деньги, а их сделка оказывает существенное воздействие на экономическую, социальную и политическую сферы общества. В этом и заключается сущность гибридных возможностей и угроз.

Список литературы

Бодрийяр Ж. 2016. *Дух терроризма. Войны в Заливе не было*. М.: РИПОЛ классик. 224 с.

Бюллетень о состоянии российского образования. Июнь 2015. — *Аналитический центр при Правительстве РФ*. 18 с. Доступ: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5474.pdf> (проверено 17.07.2016).

Герасимов В.В. 2013. Ценность науки в предвидении. — *Военно-промышленный курьер*. № 8(476). 27 февр. Доступ: vprk-news.ru/articles/14632 (проверено 17.07.2016).

Карякин В.В. 2015. Гибридные войны как фактор возрастания нестабильности в зонах соперничества мировых держав. — *Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века* (под ред. П.А. Цыганкова). М.: Изд-во МГУ. 384 с.

Магда Е.В. 2015. Гибридная война: выжить и победить. Харьков: Виват. 320 с.

RASTORGUEV Sergei Viktorovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskiy Ave, Moscow, Russia, 125993; SRastorguev@fa.ru)

HYBRID FOREIGN POLICY OPPORTUNITIES AND THREATS TO MODERN RUSSIA: A CHALLENGE TO SOCIETY, THE STATE AND THE ELITE

Abstract. *The article gives an analysis of hybrid opportunities and threats to modern Russia. Hybridization of politics and economics is considered as a natural process in the conditions of informatization and globalization. The author explores opportunities and threats of hybrid war, soft power and the situation of fall in oil prices on the Russian examples.*

Keywords: *hybrid warfare, hybrid threats, hybrid opportunities, soft power*